

902.7(с5)
К-95

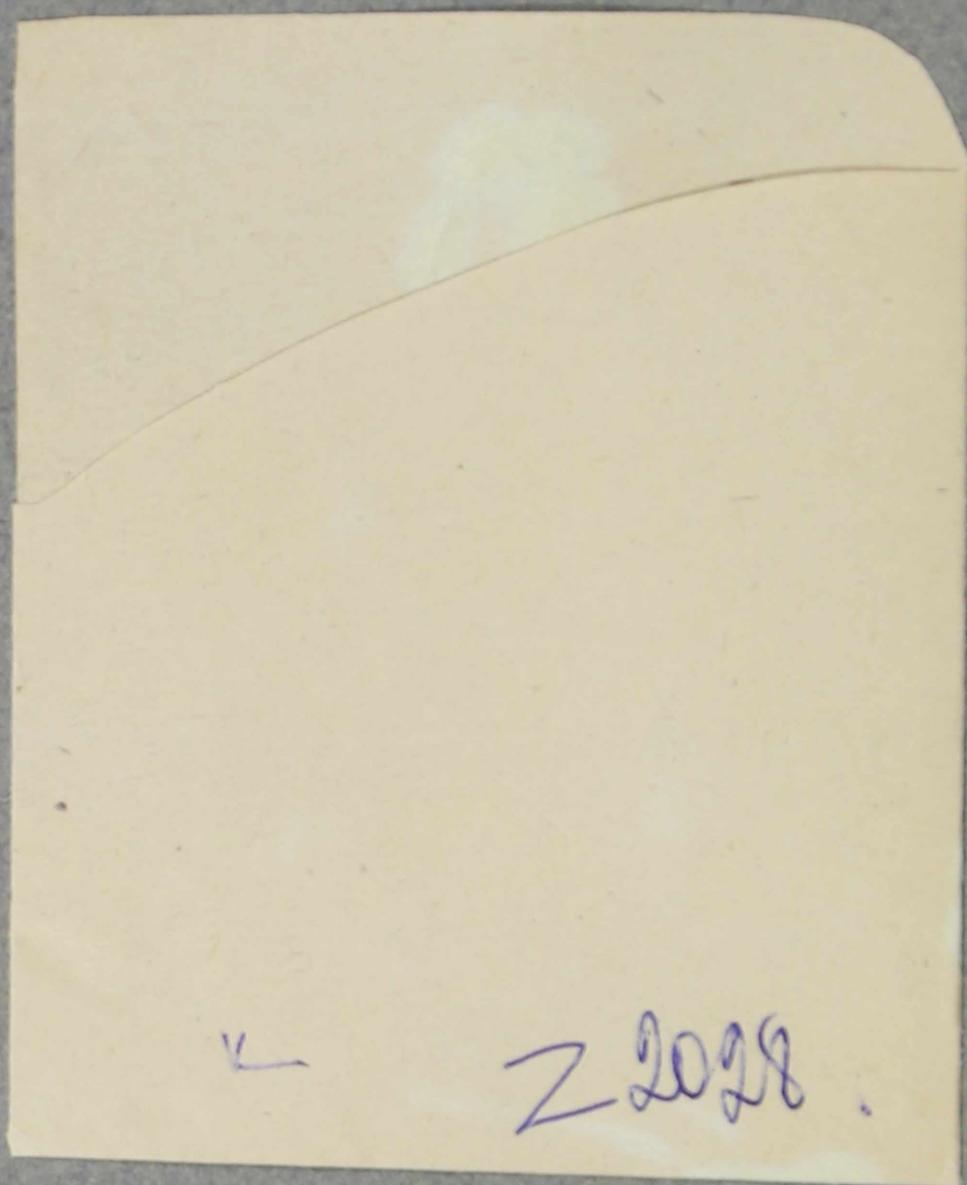
Б.А.КУФТИН

КИРГИЗ-КАЗАКИ

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

4 379.514(с)76:902-7

Обложка работы А. Кравченко

902.7 (с5)
К-95

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

902.7
К95

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ. № 2

Б. А. КУФТИН

КИРГИЗ-КАЗАКИ

КУЛЬТУРА И БЫТ

ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ОБСТАНОВОЧНОМУ ЗАЛУ
„УГОЛОК КОЧЕВОГО АУЛА В КАЗАКСТАНЕ“
В ЦЕНТРАЛЬНОМ МУЗЕЕ НАРОДОВЕДЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ НАРОДОВЕДЕНИЯ
Москва, 1926

БИБЛИОТЕКА
Изм. № 2028

ПРОВЕРЕНО

Напечатано по постановлению Правления
Центрального Музея Народоведения.
Директор *Б. Соколов.*

u

Главлит № 52171. Москва, 1926. 3000 экземпляров.

Фабрика „ГОЗНАК“. Мытная, 15.

Рис. 1. Уголок кочевого аула в Казакстане.
Обстановочная зала в Центральном Музее Народоведения.

Киргиз-казаки представляют собой самую многочисленную в Азии и вторую по величине турецкую народность. Раскинувшись в количестве около 4-х миллионов человек от берегов Волги до Алтая и Джунгарии и от реки Иртыша до Аму-Дарьи, они на всем колоссальном пространстве сохраняют единство языка и культуры, несмотря на разнообразие тех элементов, которые исторически входили в состав киргиз-казацкой народности. Сами себя

киргиз-казаки называют просто казак, под каковым именем они и были известны в актах Бориса Годунова, тогда как слово киргиз было прибавлено к их имени только в XVII веке русскими, которые в это время, столкнувшись в Сибири в верховьях Енисея с племенем кыргыз, перенесли имя последних на совершенно иную народность — киргиз-казаков. Поэтому всякое стремление проникнуть в прошлое киргиз-казаков на основании изучения истории народностей, носивших имя „киргиз“, совершенно неосновательно. Название казак впервые упоминается в X и XI веках, но после, не встречаясь до Тимура (XIV в.), только с XV века прочно утверждается за определенной народностью, происхождение которой из союза различных, главным образом, турецких и отуреченных племен, обыкновенно относят к этому времени (Вельяминов-Зернов) и связывают с именами двух ханов Джанибека и Гирея, об'единивших под своей властью отколовшуюся от Золотой Орды казацкую вольницу.

Когда впервые появляются турецкие племена на территории современного Казакстана, как ныне называют свою страну киргиз-казаки, сказать трудно. Если судить по этническим сменам в Причерноморских и Приазовских степях на заре их исторической жизни, можно думать, что на путях, соединявших Европейскую Скифию с Алтаем, турецкие народности явились наследниками иранских или, во всяком случае, глубоко иранизованных племен. Действительно, со всем этим пространством, археологически почти не изученным, связаны находки предметов так называемого восточно-

скифского стиля, конца бронзовой и начала железной эпохи: толстостенные бронзовые котлы на ножке с вертикальными ручками, бронзовые зеркала с продырявленной кнопкой, наконец, тот своеобразный архаический звериный орнамент, который объединяет и позднее около эпохи Р. Х. кубанские вещи, известный новочеркасский клад с сибирскими золотыми изделиями и некоторыми минусинскими памятниками.

Первой, достоверно турецкой волной, вторгнувшейся в Европу, было нашествие гуннов в IV веке. Однако, вероятно, что и скифские племена, известные за несколько веков до нашей эры под именем саков в восточной части Казакстана в Семиречье (Джетысуйская губ.), уже заключали в себе значительный туземный, не иранский слой, который состоял как из древних насельников края, оттесненных на север движением на восток из Европейской прародины предков скифских племен, так и из просачивающихся в скифскую среду этнических элементов древнего южно-сибирского культурного очага.

Но только с VI века киргизские степи, несомненно, были наводнены турецким элементом в связи с образованием на границах Монголии обширной турецкой империи, протянувшейся от Великого океана до Черного моря. Раннее соприкосновение турецких кочевников с средне-азиатской иранской цивилизацией выделило их из круга более поздних влияний тибетско-буддийской и китайской культуры, захватившей монгольский кочевой мир. Сравнение тех и других обнаруживает, как указал

еще Г. Н. Потанин, в турецких кочевых племенах целый ряд особенностей более высокого культурного быта, чем у монголов, которые, хотя и опередили средне-азиатских турок грамотностью и книжной образованностью, принесенными к ним тибетским буддизмом, однако не успели усвоить таких сторон материального быта, которые, свидетельствуя о долговременной совместной жизни с нациями старой культуры, отличают теперь турецких кочевников Средней Азии от родственных им по языку более первобытных племен Алтая и Саянских гор и недалеко в этом смысле ушедших от них монголов. Так, в отличие от турок Алтая и монголов, кочевники Средней Азии не только знакомы с искусством тканья, но даже развили у себя в высшей степени сложное ковровое производство, тогда как монголам ткацкий станок, прядение ниток (для шитья употребляют только короткие сканые-сученые нитки) и красящие растения совершенно неизвестны. Они пользуются исключительно покупными тканями, в прежнее время главным образом из Китая, торговые сношения с которым вообще обогатили домашний инвентарь монголов, в отличие от турок-кочевников, большим количеством фабрикатов. Вместе с тем у алтайцев и монголов нет обыкновения стирать свое белье: раз надев платье, они не скидают его до износу; женский головной убор часто приклеивается к волосам особым клеем и вообще редко снимается. Напротив, турецкие кочевники Средней Азии и Казакстана употребляют мыло „сабын“, которое сами изготовляют из золы растений и жира, и весь их

костюм, женские белые головные уборы рассчитаны на опрятность.

В пище также замечаются существенные различия в том же направлении, основанные на сохранности у монголов следов более первобытного существования, сближающего их с народностями Сибири. Употребление в пищу дохлятины, сыромяство (монголы варят мясо не более $\frac{1}{2}$ часа и едят полусырым), малое потребление соли с пищей (только в чай) — у турецких кочевников Казакстана и Средней Азии совершенно не замечается: мясо они всегда хорошо уваривают, известно у них и копчение впрок.

Вероятно пережитком обычаев общих с Сибирью является у монголов и обычай не закапывать покойников в землю, а оставлять на поверхности.

Все это вместе взятое свидетельствует о значительности тех культурных влияний, в связи с которыми сложился новый материальный быт турецких племен на почве Средней Азии, в сильной мере закрывший древний культурный слой, общий с монголами и турками Сибири. Чертами быта, сближающими турецких и монгольских кочевников между собой, в отличие от арктической культуры Сибири, является степное скотоводство: разведение лошадей, овец, рогатого скота, верблюдов и яка, с которыми они совершают регулярные передвижения по более или менее значительным орбитам на определенной территории, и приспособленная к таким передвижениям по безлесной степи, переносная, решетчатая, покрываемая обыкновенно войлоками, юрта. Характерно также существование

у монголов и турок-кочевников сословного деления на белую и черную кость — наследие времен Чингис-Хана.

В настоящее время киргиз-казаки, делящиеся на три орды: Старшую — самую восточную и малочисленную, Среднюю и Младшую — западную, самостоятельную часть которой представляет Букеевская Орда (Астраханская губерния), составляют 61% населения Казакстана, который включает в свой состав кроме бывшего Киргизского Края (Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области) еще Сыр-Дарьинскую и Семиреченскую Джетысуйскую области бывшего Туркестанского генерал-губернаторства. Каждая из этих орд состоит из более крупных родовых групп с дробными их подразделениями, среди которых многие являются остатками некогда значительных и игравших крупную роль в истории Средней Азии народностей, как, например, сильное племя Найманов, занимавшее перед монгольским нашествием область Тарбогатая, вышеупомянутые Кипчаки, вошедшие в состав Средней Орды, племя рыжеволосых Усуней, именем которых именуют себя до сих пор киргизы Большой Орды.

Каждый киргиз еще недавно называл себя по имени того рода, к которому он принадлежал и более или менее твердо знал родословную и отношение своего рода к другим. Большая Орда считалась самой знатной, так что последний род этой орды пользовался большим почетом, чем первый род Средней Орды, в таком же отношении находящейся к Малой.

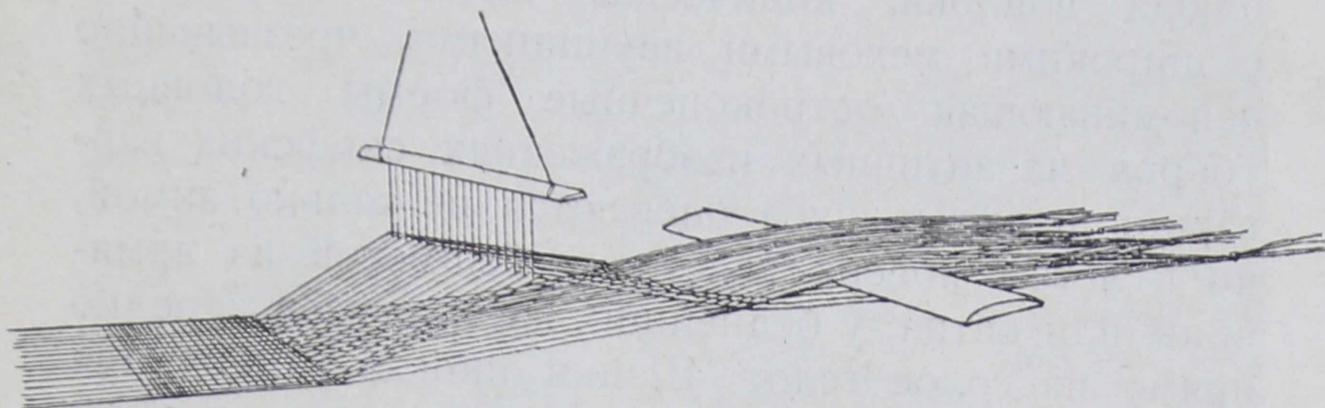
Ткацкий станок отличается горизонтальным положением основы и отсутствием вальков, на которые основа и готовая уже ткань могли бы наматываться; поэтому станок должен устанавливаться на земле, занимая в длину пространство, равняющееся длине приготавливаемой ткани. Основа „*ерис*“ наматывается вокруг двух деревянных круглых палочек, которые прикрепляются к колышкам на земле на расстоянии, равном длине основы, друг от друга. Полученные таким образом растянутые над землей два ряда основы перевязываются с одной стороны пучками по шести нитей и прикрепляются к тонкой палочке „*серя агаш*“. Ближе к другой стороне, из места, где, сидя на корточках помещается ткачиха, устанавливается над основой деревянный треножник, с подвешенной к нему ремизкой „*күзеу агаш*“, в петли которой пропущена половина (через одну или две) нитей основы. Между ремизкой и местом, где нити всей основы связаны вместе пучками, образован перекрест между нитями основы, привязанными к ремизке, и свободными. В этот перекресток вставлена деревянная широкая дощечка — „*адарга*“ (см. рис. 16), служащая вместо второй ремизки.

Ставя адаргу на ребро, возможно поднимать часть нитей основы выше других, прикрепленных к ремизке, при чем их перекрест перемещается из своего обычного положения вперед, располагаясь между ткачихой и ремизкой. Тогда здесь образуется зев, в который пропускается длинный челнок (катушка) „*аркау*“, с намотанными на нем

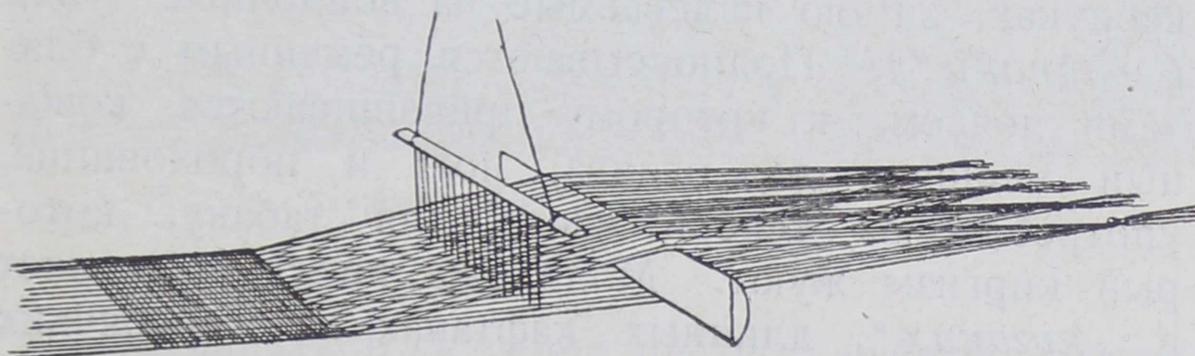
нитями утка. „Адарга“ опускается, перекрест передвигается снова назад за ремизку, а на месте бывшего зева открывается другой, который образуется подтянутой на ремизке частью основы и другой, лежащей свободно. В этот зев наносится ряд ударов при помощи берда („кылыш“), которое редко имеет форму замкнутого гребня, а в большинстве случаев представляет собою просто деревянный широкий нож. После пропускается снова уток, подымается „адарга“ и уток прибивается (см. черт. на стр. 41). Пользование „адаргой“, в качестве пережитка сохранившейся в русском станке при узорном тканье под именем бральницы, является значительным шагом вперед сравнительно, например, с арабским — бедуинским прототипом, где для продевания утка каждую нитку основы приходится перебирать пальцами.

Приведению станка в вышеописанный вид предшествует процесс снования, т. - е. наматывания основы. Для этой цели вбиваются в землю шесть кольев, каждый 70 см. высотой; из них три, расположенные в углах треугольника на расстоянии около 4 метров один от другого, служат для навивания основы, четвертый, расположенный внутри треугольника, разделяет при намотке в одном месте основу, остающуюся свободной, от той, которая заплетается ремизкой. Пятый и шестой колья служат для образования ремизки. Вокруг этих колышков по двум различным путям (зацепляя и минуя четвертый кол), разматывают четыре клубка нитей (обычно это делают дети). Женщина в это время prepares ремизку, захватывая

в петли нити, проходящие по четвертому колу. Когда все клубки размотаны, основа снимается с кольев, часть которых выдергивается вместе с основой и образует части станка, который, таким

Схематический чертеж положения нитей при тканье.
(Положение первое).

Схематический чертеж положения нитей при тканье.
(Положение второе).

образом, кроме деревянного мечевидного берда и дощечки „адарга“ не имеет более никаких постоянных частей, а каждый раз целиком готовится заново. Для тканья, кроме шерсти, лишь

очень редко употребляют вату, главным образом для грубых мешков.

Верхней одеждой киргиз - казаков служит тулуп или же „күпә“, шуба из естественного, свалывшегося за зиму на теле барана или верблюда войлока, коническая шапка („тумак“) с широкими меховыми наушниками, чрезвычайно напоминающая остроконечные формы головных уборов на античных изображениях скифских варваров; шапка и шуба одеваются не только зимой, но и летом поверх халатов и бешметов из армячины или ситца, у беднейших же киргизов нередко прямо на голое тело. Шапки иногда заменяются белыми войлочными колпаками с разрезными полями. Одеваются шаровары из цветной кожи (сантама) и в них заправляют полы халата.

Обуваются в широкие сапоги на деревянных каблуках, зимою надеваемые на войлочные чулки („байпаки“). Подпоясываются ремненным с бляхами поясом, к которому привешиваются кожаный мешочек для огнива, нож и пороховница, употребляемая теперь часто для табаку, который киргизы жуют. Молодежь иногда щеголяет в „яргаках“, длинных кафтанах из жеребьячьих шкур, мехом наружу, при чем грива располагается по плечам вдоль рукавов или сзади вдоль спины, придавая фигуре своеобразный, несколько дикий вид. Джетысуйские (Семиреченские) киргиз - казаки по костюму приближаются к туркестанцам. Белье — длинная рубаха, в старину распашная „джейде“ с отложным воротником и штаны „дамбал“ обыкновенно употребляются летом. Женщину летом

Рис. 16. Ткацкий станок. Заилийский Алатау (Семиречье).
Фот. П. А. Лейбина.

можно видеть в ситцевой цветной рубашке, с длинными рукавами, поверх которой одевают ситцевый или шелковый халат в талию или безрукавку; на голове замужние киргизки Малой и частью Средней Орды носят высокий цилиндрический головной убор, который делается из длинного куса белой кисеи или коленкора („джаулык“), обернутого вокруг картонной тульи (см. рис. 2); под него обычно одевается особый белый капюшон „кимяшек“.

У киргизок Средней Азии этот головной убор заменен простой чалмообразной повязкой поверх капюшона, закрывающего шею и плечи. Девушки носят цветные конические шапочки, украшенные меховой опушкой, а у красавиц — перьями филина, предохраняющими от слезу.

Волосы девушки заплетают во множество косичек с серебряными подвесками.

Невесте и молодой одевают своеобразный высокий головной убор — „сәукеле“, украшенный металлическими привесками.

Обстановочный зал с киргиз-казацким аулом живо вводит нас в вышеописанную бытовую обстановку и хозяйственный уклад кочевника (рис. 1). Перед нами обширная решетчатая юрта; это „отау“ молодых. Войлочный покров по летнему приподнят и виден остов юрты, покрытый узорными чиевыми цыновками. Перед юртой натянут по земле ткацкий станок в работе. Рядом девица с веретеном. Сзади к кибитке под'езжает женщина на верблюде.

Внутри юрты обычная дневная сцена (рис. 17): молодая, еще не сбросившая свадебный наряд (высокое „сәукеле“ на голове), который она носит в течение года, взбалтывает длинной мешалкой („пискек“) кумыс, хранящийся всегда у правой стороны юрты в кожаном мешке из целой шкуры „саба“. У задней стены, уставленной сундуками в узорных чехлах, на обычном месте для гостей двое мужчин играют в трудную, основанную на счете, игру „тогуз гумалак“ (т.-е. 9 шариков бараньего помета), которая своим происхождением из северной Африки свидетельствует о древнем

сирийском и арабском влиянии в культуре киргизов*, По середине юрты тлеет огонь.

Сравнение этой юрты с залом Забайкальских бурят, где мы тоже видим войлочную юрту, приводит нас к пониманию первоначального единства специфической кочевой турецкой и монгольской культуры, созданной тысячелетиями на обширных степных просторах Азии. Однако, легко заметные различия в культуре тех и других свидетельствуют о последующем разделении и включении монгольской и турецкой семьи в два глубоко различных культурных мира — Китайско-Тибетский и Средне-Азиатско-Иранский, о воздействии которых на киргиз-казацкую народность мы говорили выше.

* Culin Stewart. Mancala, the national game of Africa. Washington, 1896.

Hyde Thomas. De Ludis Orientalibus. Oxonii MDCCXCIV (1794 года).

Рис. 17. Внутренность юрты. Обстановочный зал в Центральном Музее На

Некоторые из важнейших сочинений, касающихся
киргиз-казацкого народа.

- И. Георги. Описание всех обитающих в Российском Государстве народов. СПб., 1799 г., ч. I.
- А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. 3 тома 1832 г.
- В. Вельяминов - Зернов. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времен кончины Абул-Хайр-Хана (1748 — 1765 гг.). Уфа, 1863 г., т. I и II.
- В. Вельяминов - Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, 1864 г.
- Ч. Валиханов. Сочинения (Зап. Русск. Геогр. Общ., отд. этнографии, т. 29).
- Н. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридическ. быт. Ташк., 1889 г.
- В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. III. Наречие киргиз-казаков. Записки Оренбургск. Отд. Русск. Геогр. Общ., вып. I и II. Статьи Ибрагимова, Алтынсарина, Сайдалина и др., 1869—1870 гг.
- А. Харузин. Киргизы Букеевской Орды, т. I, 1889 г.
- А. Харузин. Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и кара-киргизов (с 1734—1891 гг.). Этногр. Обзор., кн. 9.
- А. Харузин. К вопросу о происхождении киргизского народа. Этногр. Обзор., кн. 26, 1895 г.
- Н. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и кара-киргизов. Живая Старина, III и IV, 1894 г.
- Н. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Живая Старина, 1896 г., III и IV.

- А. Краснов. Очерки быта Семиреченских киргизов (Изв. русск. Геогр. Общ., 23 том, 1887 г.).
- А. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895 г.
- М. Леваневский. Очерки киргизских степей Эмбенского уезда (Землевед., т. I, кн. 2, 3, 4 и т. II, кн. 2—3, 1894—1895 гг.).
- А. Диваев. Древние киргизские похоронные обычаи. Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. при Каз. Унив., т. XIV, вып. 2, 1897 г.
- А. Диваев. Из области киргизских верований. Баксы, как лекарь и колдун (Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр., т. XV, вып. III, 1899 г.).
- П. Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангишлаке, изд. Девриена.
- А. Самойлович. Запретные слова в языке казак-киргизской замужней женщины (Живая Старина, 1915 г., вып. 1—2).
- Б. Куфтин. Календарь и первобытная астрономия киргиз-казацкого народа. Этно. Обзор., 1916 г., вып. 3—4.
- А. Чулошников. Очерки по истории киргиз-казацкого народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. I. Древнее время и Средние века. Оренбург, 1924 г.
- По киргиз-казацкому фольклору, между прочим.
- Н. Пантусов. Образцы киргизской народной литературы. Изв. Общ. Арх. Ист. Этногр. при Каз. унив., т. 25, вып. I, 1909 г.
- Г. Потанин. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки (Живая Старина, 1916 г., вып. 2—3).
- По народн. музыке, между прочим.
- С. Рыбаков. Киргизы Тург. обл. и их песенное и музык. творчество. Краткое содержание доклада. Этно. Обзор., кн. 80, стр. 140.
- В. Шнитников. Материалы по киргизск. и татарск. музыке (Живая Старина, 1913 г., вып. 3—4).
- А. Затаевич. 1000 песен киргизского народа (напевы и мелодии), ред. А. Кастальского, Оренбург, 1925 г.

170 н.

Цена 40 коп.